

ЕМІГРАНТОЛОГІЯ

УДК 81-116.3(092)Вілінський

НАУЧНАЯ СУДЬБА СЕРГИЯ ВИЛИНСКОГО: САМОРЕАЛИЗАЦИЯ УЧЕНОГО-ЭМИГРАНТА В ЧУЖОЙ СРЕДЕ

Іво Поспішил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, професор

Завідувач Інституту славістики

Філософський факультет, Університет імені Масарика

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Анотація. Йдеться про складну специфіку наукової ситуації в Центральній Європі 20–30-х рр. ХХ ст., що позначилася на діяльності російських формалістів і Празького лінгвістичного гуртка на тлі автономного ярусу в літературознавчих дослідженнях міжвоєнної Чехословаччини, яка в підсумку генерувала „російсько-французько-американську зв'язаність”. Питання розглядається на прикладі медієвіста Сергія Вілінського, у якого свого часу навчався М. Бахтін та який пізніше увійшов у середовище чеських богемістів. Дослідження спирається на архівні матеріали університету ім. Масарика в Брно. Висвітлюються невідомі раніше подробиці його наукової біографії, аргументується зміна проблематики його досліджень, що свідчить про безумовний вплив життєвих обставин на наукову творчість, про складність самореалізації вченого в новому для себе контексті.

Ключові слова: Сергій Вілінський, еволюція науки, методологія, емігрантологія, Празький лінгвістичний гурток, міжнаціональні літературні зв'язки.

Центральная Европа в начале прошлого столетия, еще в 20-е и 30-е гг., была в определенном смысле перекрестком идейных течений, включая и сферу литературоведения. При этом здесь сталкивались, соперничали между собой и влияли друг на друга как традиционный позитивизм, так и направления, исходящие из филологического метода, немецкая наука о духе (Geisteswissenschaft) и психологические течения и технологические подходы: формизм, формализм, а позднее – структурализм.

Выясняется, что противоречия между технологическими и психологическими методами (см.: [6]), в том числе интуитивизмом, а также между русской формальной школой, феноменологией и структурализмом не были столь острыми, как некогда утверждалось; что в творчестве отдельных авторов эти подходы переплетались и формировали комплементарное целое. Это доказывает, например, внутреннее развитие русской формальной школы и Пражского лингвистического кружка. Относительно автономный ярус в литературоведческом исследовании в межвоенной Чехословакии составляли классические филологические подходы, когда-то связанные с религиозной основой. В ареале Центральной Европы пересекались формистские и формалистские методы, структурализм, феноменология и психологизм.

В эту относительно сложную ситуацию, когда в межвоенной Чехословакии значительную роль играли и направления с религиозной ориентацией (католицизм), вступает в первой половине 20-х гг. ученый польско-украинского происхождения Сергей Вилинский (1876–1950), который оставил в чешской культурной и научной среде неизгладимый след (см.: [7; 8; 9; 4; 3; 1]). В его личности системно совмещается восточно-западное и северо-южное движения мысли. Таким образом, то множество явлений, которые ныне воспринимаются как связанность русско-французско-американская, можно считать зародившимся в центрально-европейском культурном пространстве. Сам Сергей Вилинский, экстраординарный и позже ординарный профессор и проректор Новороссийского университета в Одессе, русский медиевист, в течение недолгого времени (в 1913 г.) был преподавателем Михаила Бахтина, поступившего сначала в одесский Новороссийский университет, переведясь затем в Санкт-Петербург. Михаил Бахтин со своей концепцией художественного произведения как эстетического объекта и, конечно, с разработкой понятий „карнавализация”, „хронотоп”, „диалог” и „полифонический роман” был близок феноменологии [5] (можно также отметить его связь с неоидеализмом Сёрена Кьеркегора, Фридриха Ницше). Война и революция в России привели к тому, что деятельность Сергея Вилинского в качестве медиевиста была прервана: через Болгарию он по приглашению чешских богемистов отправляется в Брно, где становится так называемым профессором по договору. Материалы, касающиеся деятельности Сергея

Вилинского в университете им. Масарика в Брно, находятся в архивах этого университета.

Из автобиографии С. Вилинского, написанной им по-чешски и датированной 24 марта 1935 г. (в связи с подачей заявления о сдаче строгих докторских экзаменов, поскольку его звание доктора русской словесности, присвоенное в Одессе в 1914 г., по законам того времени не могло быть признано в Чехии), следует, что он родился 3 сентября 1876 г. в Кишиневе (Бессарабии, Молдавии, тогда части Российской империи, а на момент написания автобиографии – уже части Румынского королевства). Учился в 1-й классической гимназии в Кишиневе, которую закончил в 1895 г. (с золотой медалью, т. е. с отличием). С августа 1895 по 19 января 1896 г. он был студентом санкт-петербургского историко-филологического факультета, откуда затем ушел по собственному желанию. Осенью 1896 г. он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе (во время обучения – в 1897 и 1899 году – он получил особую премию за две свои работы). После сдачи выпускных экзаменов в 1900 г., по рекомендации проф. В. Истрина и проф. П. Лаврова, был избран профессорским стипендиатом, т. е. кандидатом университетской профессуры по русскому языку и литературе.

К получению ученой степени доктора наук Вилинский готовился в 1902–1903 гг. в московских и петербургских архивах и на семинарах проф. М. Соколова в Москве и И. Шляпкина в Санкт-Петербурге. После присвоения доцентского звания в 1904 г., 8 мая того же года, он вошел в преподавательский состав Одесского университета в качестве приват-доцента. С этого времени, по его словам, он по несколько раз в год, вплоть до 1917 г., работал в архивах России и за рубежом (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Казань, Сергиев Посад, Афон, София), занимаясь изучением древнерусских рукописей. В марте 1907 г. Вилинский защитил свою диссертацию „Послание старца Артемия (XVI века)” и получил титул магистра русской словесности (литературы). В 1909 г. он был избран экстраординарным профессором русской литературы одновременно в двух университетах: в Одессе и в Казани – и его выбор был сделан, наконец, в пользу Одессы. В сентябре 1912 г. он стал проректором Одесского университета; эту должность он занимал вплоть до марта 1917 г. В феврале 1914 г. Вилинский защитил докторскую диссертацию „Житие св. Василия Новаго” по

русской литературе и стал доктором русской словесности (литературы), а в марте 1914 г. получил звание профессора русской литературы Одесского университета. Эту функцию Вилинский выполнял до 7 февраля 1920 г., затем эмигрировал. Параллельно он работал в нескольких средних и высших средних школах (Одесские высшие женские курсы, Сергиевская артиллерийская школа, мужская и женская гимназии). С 1910 по 1920 гг. он председательствовал в Историко-филологическом обществе при Одесском университете, а также был членом ряда других научных сообществ и собраний единомышленников (Русское географическое общество, Одесское общество истории и древностей, Одесский кружок по изучению искусства и др.).

После отъезда из Одессы (по словам Вилинского, когда он покидал Россию в 1920 г., в порту у него украли все личные вещи, включая книги, так что впоследствии ему пришлось покупать даже свои собственные публикации), в апреле 1920 г., он получил место учителя русского языка в гимназии в Плевне, а в 1921 г. был переведен учителем латинского языка в 1-ю женскую гимназию в Софии (одновременно с этим он работал и в софийской русской гимназии). После 1922, когда в Болгарии, по воспоминаниям Вилинского, началось преследование русских эмигрантов, его переводили в гимназию в Пловдиве, однако от этой должности он отказался и стал безработным. В ноябре 1922 г. он получил место счетовода в Болгарском банке.

В то же время – летом 1921 г. – он получил приглашение от проф. Вацлава Вондрака читать лекции по русской литературе в недавно основанном (1919) университете им. Масарика. Уже в ноябре 1921 г. в этом университете Вилинского избрали профессором по договору, а в апреле 1923 г. он занял свою должность. Кроме профессорских обязанностей в университете им. Масарика в Брно, он преподавал русскую литературу в русском педагогическом университете в Праге вплоть до 1927 г., когда этот университет был расформирован.

К заявлению о сдаче докторских экзаменов (также от 24-го марта 1935) в качестве диссертации Вилинский прилагает свою книгу о Петко Тодорове (1933, см. ниже). Основным предметом экзаменов он выбирает славянскую филологию, а дополнительным – историю современных литератур. В отзыве на заявление, подписанном проф. Франком Воллманом, среди прочего говорится, что „профессор Сергей Вилинский представил диссертацию *Petko*

Todorov (Život a dílo), Spisy filosofické fakulty Masarykovy university v Brně, 1933. Поскольку он выполнил все условия, необходимые для допуска к экзаменам на степень доктора, его диссертация была передана референтам – проф. А. Новаку и проф. Франку Воллману. Они оценили ее как отличную, т.к. она исключительным образом соответствует требованиям, предъявляемым к докторской диссертации”. Указав основные сведения из резюме, Ф. Воллман подает прошение о том, чтобы для Вилинского, „с учетом всей его деятельности, была проведена нострификация (согласно постановлению Министерства образования и народного просвещения от 6. 1850, № 4513/153) и, по предложению комиссии, отменены оба строгих экзамена, а также чтобы степень доктора была присуждена ему на основании представленной и одобренной диссертации”. Арне Новак присоединяется к этим словам, добавляя, что, „когда профессорский состав включил работы проф. Вилинского в труды своего факультета, этим он признал их научную ценность, превышающую ту меру, которая предполагается у диссертационных работ”.

Научной сферой деятельности Сергея Вилинского в России была древнерусская литература. Его работы, в особенности „Сказания о создании храма св. Софии цареградской” (Санкт-Петербург, 1903), являются примером филологического метода: сопоставление рукописных редакций, их публикация, определение авторства и происхождения. Например, в упомянутой книге речь идет о продолжении исследования, которое Вилинский начал в 1900 г. и опубликовал в работе „Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии цареградской” (Одесса, 1900), а также о реакции на две статьи Ф. Преджера, опубликованные в *Vuz. Zeitschrift* (X, 1901) и в Лейпциге (1901). Эмиграция в Болгарию, где Вилинскому пришлось трудиться не только на университетском поприще, заставила его прервать свою работу медиевиста. За границей – в Болгарии и в Чехословакии – он вынужден был писать скорее о современных литературах и включиться в жизнь эмигрантской общины. Тем не менее, даже в межвоенной Чехословакии интерес Вилинского к медиевистике не угасал полностью. В некотором смысле ему навстречу пошел журнал „Apoštolát sv. Cyrila a Metoděje”, издаваемый в Оломоуце, который напечатал несколько его научно-популярных статей. В Брно Вилинский возвращался к медиевистике еще в нескольких маргиналиях. Кроме того, в своих исследованиях, посвященных

новой литературе, он пытался найти древнерусские архетипы. Например, в написанной по-чешски работе „Národní prvky v tvorbě I. S. Turgeněva” он показывает, что в своем творчестве Тургенев отражал магию. В рассказе „Живые мощи” (Živé ostatky) Лукерию снятся сны, которые Вилинский интерпретирует сквозь призму фольклора и древнерусской литературы (легенды Пролога) и ссылается на свою статью „Opera superrogatoria” и на одесскую публикацию о Василии Новом. В чешском исследовании из сборника брненского романиста П. М. Гашковца „K otázce francouzsko-bulharských literárních styků” Вилинский присоединился к компаративистской платформе чешского литературоведения того времени, а в особенности брненских компаративистов с ведущей личностью Франка Воллмана, автора книги *Slovesnost Slovanů* и важного труда, который вышел в 1936 г. – „K metodologii slovnávací slovesnosti slovanské”. В статье о французско-болгарских связях Сергей Вилинский полемизирует с некоторыми взглядами из книги Николая Дончева „Influences étrangères dans la littérature bulgare” (София 1934). Автора он упрекает в том, что он слишком сосредоточен на сравнении отдельных писателей и подчиняется механистической „влияниелогии”. Прежде всего Вилинский рассматривает влияние Альфреда де Виньи на Петко Тодорова, последним из них он систематически занимался. Не отрицая очевидного воздействия французского автора, чьи произведения Тодоров читал, учась в средней школе во Франции, Вилинский отказывается от механистического переноса влияния и демонстрирует, как Петко Тодоров по-новому разрабатывал французскую основу и использовал ее в иных ситуациях.

Пребывание в другой стране, которая в изучении русской литературы делала акцент скорее на ее новейшей стадии развития, заставило Сергея Вилинского изменить не только тему своей научной работы, но и ее методологию. Отсюда две его книги: о болгарском и о русском писателях классического реалистического периода (см. далее). Над этим возвышается эстетика и религиозная надстройка, заданная в какой-то степени уже самим характером предмета изучения. Тут Вилинский близок автору первой чешской истории русской литературы – А. Г. Стину (настоящее имя – Алоис Августин Врзал, 1864–1930), переводчику на чешский язык Н. С. Лескова и других русских авторов.

Кроме интересных с точки зрения материала, написанных по-русски воспоминаний о трех годах, проведенных в Болгарии,

Сергий Вилинский издал в Брно и две книги на чешском. Первая из них тематически возвращается к его болгарскому источнику вдохновения, вторая повествует о классике русской литературы.

Книга о Петко Тодорове (1879–1916) была написана, в том числе, благодаря стажировке в Болгарии в 1930 и в 1931 гг. при содействии министерства образования и просвещения и Славянского института в Праге. Речь идет о дескриптивном литературно-историческом труде, в котором Вилинский вновь обращается к филологическому методу, в особенности в главе „Zvláštnosti tvorby P. Todorova” (язык, словарь, так называемая художественная сторона языка, средства выразительности, символика, национальный характер и др.). Исследованию о П. Тодорове, которое Вилинский посвящал профессору университета им. Масарика в Брно Вацлаву Вондраку (1859–1925) и в котором с благодарностью вспоминает также тогдашнего декана Станислава Соучека (1870–1935), предшествует книга о М. Е. Салтыкове-Щедрине (1826–1889), которая еще более показательна с точки зрения избранного метода. Книга, к сожалению, является неудачным чешским переводом с русского языка.

Вилинский здесь ориентируется как на научную биографию („Rysy osobnosti M. J. Saltykova”), так и на литературную социологию („M. Saltykov a ruská skutečnost jeho doby”), что приводит к мотивистическому изучению общечеловеческих элементов и к поэтике Салтыкова, включая место, занимаемое этим автором в русской литературе (внутренняя компаративистика). Из этого, однако, не следует делать вывод, что метод Вилинского эклектичен: скорее, перед нами предстает естественным образом согласованный комплекс приемов, с которыми Вилинский сталкивался в российской науке того времени и которыми привычно пользовался; позитивистские пассажи об общественной обстановке и остальных тэновских факторах (*race, moment, milieu*) здесь уравновешены морфологическим исследованием, известным нам по раннему Александру Веселовскому и по его немецким предшественникам (*Stoffgeschichte*).

Хотя в межвоенной Чехословакии С. Вилинский и вынужден был перейти к новой теме и новому методу, его медиевистическая подготовка все-таки проявилась и здесь: от филологического метода он постепенно переходит к поэтологии, изучает поэтику языка Салтыкова-Щедрина, его отношение к фольклору и древнерусской

литературе. В этом он в некотором смысле становится предшественником литературоведческой мифологии, теории архетипов и мифопоэтики, интертекстуальности (понимаемой, правда, скорее в позитивистском ключе) и поэтологической связи, пусть только и в зачаточном, ограниченном позитивизмом контексте.

В отличие от социологических критиков, или русских радикальных позитивистов – от так называемых революционных демократов – до народников и психологов литературы, следующих традициям А. А. Потебни, – Вилинский идет скорее по линии А. Веселовского: по линии интеграции компаративистики, исторической поэтики и социального фона, аналогично именуемого английскими исследователями „social background”. То, что Вилинский выбрал автора столь непростого, сложного для понимания и трудно вводимого именно в чешскую и центрально-европейскую культуру, свидетельствует о его намерении познакомить эту среду с тем, чего ей недоставало, что было для нее экзотическим и что не находило здесь ни одной явной опоры в национальной традиции. Таким образом, Вилинский примкнул к тем литературоведам, которые в чешской среде разрабатывали скорее теорию фазовых переходов, нежели сближение русского и европейского (За рамки нашего исследования выходит судьба сына Сергея Вилинского Валерия, который еще теснее сотрудничал именно с католическими и либеральными политическими кругами в межвоенной Чехословакии, позже с гестапо в Протекторате Чехии и Моравии и после 1945 г., когда его захватила советская контрразведка Смерш, он подписал сотрудничество органам тогдашнего чехословацкого министерства иностранных дел и хорошо послужил в 1948 г. коммунистам ценными сведениями о шагах их политических противников (см.: [2]).

Впрочем, брненская литературоведческая русистика исходила из этого и позднее: а именно в том, что Вилинский указывал на русскую специфичность, а не только на то, что связывало русскую традицию с чешской и что в России было европейским. Эта ветвь несколько отличалась от своей пражской сестры – русистики, ориентированной на политические и общественные аспекты русской литературы и на то, что объединяло русскую литературу с литературами европейскими, что вдохновляло ее или чем вдохновляла она: на модернизм и авангард. У брненских русистов наблюдался интерес к подходам и явлениям, которые когда-то не

относились к мейнстриму: к литературным направлениям и жанрам, специфическому пониманию русского модернизма, авангарда, романа у Лескова и т. д. Именно в Брно появились две единственные чешские книги, посвященные Салтыкову-Щедрину: первая вышла из-под пера Сергея Вилинского, вторая принадлежит преждевременно трагически скончавшейся Власте Влашиновой (1925–1977) – „*Satira okřídlená fantazií*” [10].

Жизнь и деятельность восточнославянских эмигрантов в межвоенной Чехословакии до сих пор является не вполне раскрытым и изученным анклавом. Такие яркие примеры, как судьба Сергея Вилинского, убеждают в том, насколько специфична реализация личности в иностранной среде и насколько все зависит от конкретных обстоятельств, воли случая, а также от активности самого человека и соответствующей ей мере культурной интеграции.

1. *Pospíšil I.* Изменение темы и метода – Сергей Вилинский в Университете им. Масарика / Иво Поспишил // Русский язык как инославянский. – Белград, 2012. – Вып. IV. – С. 7–19.
2. *Hultsch A.* Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955) / Anne Hultsch. – Köln : Böhlau, 2011. – 432 S. – (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Band 68).
3. *Pospíšil I.* Brněnský příběh Sergije Vilinského / Ivo Pospíšil // Migrácia obyvateľov východnej Európy na územie Slovenska a Čiech (prvá polovica 20. storočia) / ed. Ľubica Harbuľová. – Prešov : Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2009. – S. 186–193.
4. *Pospíšil I.* Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij / Ivo Pospíšil // *Slavia Occidentalis*. – Poznań, 2000. – T. 57. – S. 219–233.
5. *Pospíšil I.* Hledání „velkého času” Michaila Bachtina (Махлин В. Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. – Siedlce : Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2015. – (Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VIII) / Ivo Pospíšil // Новая русистика. – 2015. – Č. 2. – S. 76–81.
6. *Pospíšil I.* Literaturwissenschaftliche Technologie, Psychologie und Rezeptionsästhetik: die tschechische und slowakische Situation / I. Pospíšil // Wissenschaft und Systemveränderung. Rezeptionsforschung in Ost und West – eine konvergente Entwicklung? / Herausgegeben von Wolfgang Adam, Holger Dainat, Gunter Schandera. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2003. – S. 245–257.

7. *Pospíšil I.* Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brünn: Fakten und Zusammenhänge / Ivo Pospíšil // Wiener Slavistisches Jahrbuch. – 1996. – Bd. 42. – S. 223–230.
8. *Pospíšil I.* Významné osobnosti naší univerzity. Zakladatel literárněvědné rusistiky na Masarykově univerzitě (Sergij Grigorovič Vilinskij, 1876–1950) / Ivo Pospíšil // Universitas. – 2000. – Č. 1. – S. 36–38.
9. *Pospíšil I.* Zapomenutí Brňané. Sergij Vilinskij (1876–1950) / Ivo Pospíšil // KAM-příloha. – 2000. – Č. 11. – S. XI–XII.
10. *Vlašínová V.* Satira okřídlená fantazií : [ke 150. výročí narození M. J. Saltykova-Ščedrina, 1826–1889] / Vlasta Vlašínová. – Praha : Lidové nakladatelství, 1975. – 166 s.

НАУЧНАЯ СУДЬБА СЕРГИЯ ВИЛИНСКОГО: САМОРЕАЛИЗАЦИЯ УЧЕНОГО-ЭМИГРАНТА В ЧУЖОЙ СРЕДЕ

Иво Поспишил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, профессор

Заведующий Институтот славистики

Философский факультет, Университет имени Масарика

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Аннотация. Речь идет о сложной специфике научной ситуации в Центральной Европе 20–30-х гг. XX ст., отразившейся в деятельности русских формалистов и Пражского лингвистического кружка на фоне автономного яруса в литературоведческих исследованиях межвоенной Чехословакии, которая в итоге генерировала „русско-французско-американскую связанность”. Вопрос рассматривается на примере медиевиста Сергея Вилинского, у которого в свое время учился М. Бахтин, позже вошедшего в среду чешских богемистов. Исследование опирается на архивные материалы университета им. Масарика в Брно. Освещаются неизвестные ранее подробности его научной биографии, аргументируется смена проблематики его изысканий, свидетельствующая о безусловном влиянии жизненных обстоятельств на научное творчество, о сложности самореализации ученого в новом для себя контексте.

Ключевые слова: Сергей Вилинский, эволюция науки, методология, эмигрантология, Пражский лингвистический кружок, межнациональные литературные связи.

SERGII VILINSKII'S SCIENTIFIC WAY: SELF-REALIZATION OF THE SCIENTIST-EMIGRE IN THE FOREIGNER ENVIRONMENT

Ivo Pospíšil

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Professor, Philosophiae doctor, Doctor of Science

Head of the Institute of Slavonic Studies

Faculty of Arts of Masaryk University

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Abstract. The article treats a question about a complex feature of a scientific situation in the Central Europe of the years 20–30 of the XX-th century, reflected in the activity of Russian formalists and Prague linguistic circle on a background of the independent circle in literary criticism researches of the intermilitary Czechoslovakia which generated “Russian-French-American coherence”. The question is considered on the example of medievalist Sergii Vilinskii (who taught M. Bakhtin in due time), entered afterwards in the environment of Czech bohemists, special place in his scientific activity was intended for popularization of Russian classical literary heritage, especially works of M. Saltykov-Shchedrin. The given research rested on archival materials of Masaryk University in Brno. The unknown before details of his biography are considered: his way in science, begun in Odessa, continued in St.-Petersburg, completed in the Czech Republic. Change of a problematics of his researches which testifies to unconditional influence of life circumstances on scientific work, to the complexity of self-realization of a scientist in his new context. Unlike sociological critics or Russian radical positivists – from so-called revolutionary democrats – up to populists and the psychologists of literature following traditions of Alexander Potebnja, – Vilinsky follows the A. Veselovsky's line: i.e. the line of integration of comparativistics, historical poetics and a social background.

Key words: Sergii Vilinskii, evolution of a science, methodology, emigrantology, Prague linguistic circle, international literary relations.

References

1. Pospíšil I. *Izmenenie temy i metoda – Sergii Vilinskii v Universitete im. Masarika* [Variation of Subject and Method – Sergii Vilinskii at Masaryk University]. *Russkii iazyk kak inoslavianski*, 2012, no. IV, pp. 7–19.
2. Hultsch A. *Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955)*. Köln, 2011, 432 p.
3. Pospíšil I. Brněnský příběh Sergije Vilinského. In: *Migrácia obyvateľov východnej Európy na územie Slovenska a Čiech (prvá polovica 20. storočia)*. Prešov, 2009, pp. 186–193.
4. Pospíšil I. Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij. *Slavia Occidentalis*, 2000, vol. 57, pp. 219–233.

5. Pospíšil I. Hledání „velkého času“ Michaila Bachtina. *Nová rusistika*, 2015, no. 2, pp. 76–81.
6. Pospíšil I. Literaturwissenschaftliche Technologie, Psychologie und Rezeptionsästhetik: die tschechische und slowakische Situation. In: *Wissenschaft und Systemveränderung. Rezeptionsforschung in Ost und West – eine konvergente Entwicklung?* Heidelberg, 2003, pp. 245–257.
7. Pospíšil I. Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brunn: Fakten und Zusammenhänge. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1996, vol. 42, pp. 223–230.
8. Pospíšil I. Významné osobnosti naší univerzity. Zakladatel literárněvědné rusistiky na Masarykově univerzitě (Sergij Grigorovič Vilinskij, 1876–1950). *Universitas*, 2000, no. 1, pp. 36–38.
9. Pospíšil I. Zapomenutí Brňané. Sergij Vilinskij (1876–1950). *KAM-příloha*, 2000, no. 11, pp. XI–XII.
10. Vlašínová V. *Satira okřídlená fantazií : [ke 150. výročí narození M. J. Saltykova-Ščedrina, 1826–1889]*. Praha, 1975, 166 p.

Suggested citation

Pospíšil I. Nauchnaia sud'ba Sergiia Vilinskogo: samorealizatsiia uchenogo-emigranta v chuzhoi srede [Sergii Vilinskii's Scientific Way: Self-realization of the Scientist-emigre in the Foreigner Environment]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2015, no. 92, pp. 35–46. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 30.11.2015 р.